

Самые известные цитаты из произведений И. С. Тургенева.

В 2018 году исполняется 200 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (1818-1883), который принадлежит к тем великим писателям, чьи творения сыграли громадную роль в духовном развитии русского общества, обогатили отечественную и мировую культуру. Ги де Мопассан описал его так: «...гениальный романист, изъездивший весь свет, знавший всех великих людей своего века, прочитавший всё, что только в силах прочитать человек, и говоривший на всех языках Европы так же свободно, как на своем родном». К юбилейной дате Ивана Сергеевича, с 9 по 20 ноября в ДВГНБ будет действовать масштабный выставочный проект, а пока мы выбрали для вас наиболее известные, мудрые и вдохновляющие цитаты Тургенева, которые дадут вам пищу для размышлений.

«Записки охотника»

1852

«Записки охотника» И. С. Тургенева одно из самых известных произведений русской литературы, образец русской классической прозы, полный тонкого психологизма и непревзойдённого описания природы. В 1852 году очерки вышли под общим

названием, под которым стали известны не только в России, но и в Европе. Большинство из них были написаны Тургеневым за границей, он говорил, что ему необходимо было уехать подальше, чтобы оттуда напасть на главного врага — крепостное право. По свидетельству очевидцев, «Записки охотника» произвели сильнейшее впечатление на наследника престола, будущего освободителя крестьян императора Александра II. Тютчев писал об этой книге: «В ней столько жизни и замечательная сила таланта. Редко соединялись в таком полном равновесии сочувствие к человечеству и артистическое чувство».

«Удивительно приятное занятие лежать на спине в лесу и глядеть вверх! Вам кажется, что вы смотрите в бездонное море, что оно широко расстилается под вами, что деревья не поднимаются от земли, но, словно корни огромных растений, спускаются, отвесно падают в те стеклянно-ясные волны; листья на деревьях то сквозят изумрудами, то сгущаются в золотистую, почти черную зелень. Где-нибудь далеко-далеко, оканчивая собою тонкую ветку, неподвижно стоит отдельный листок на голубом клочке прозрачного неба, и рядом с ним качается другой, напоминая своим движением игру рыбьего плёса, как будто движение то самовольное и не производится ветром. Волшебными подводными островами тихо наплывают и тихо проходят белые круглые облака, и вот вдруг все это море, этот лучезарный воздух, эти ветки и листья, облитые солнцем, - все заструится, задрожит беглым блеском, и поднимется свежее, трепещущее лепетанье, похожее на бесконечный мелкий плеск внезапно набежавшей зыби. Вы не двигаетесь - вы глядите: и нельзя выразить словами, как радостно, и тихо, и сладко становится на сердце. Вы глядите: та глубокая, чистая лазурь возбуждает на устах ваших улыбку, невинную, как она сама, как облака по небу, и как будто вместе с ними медлительной вереницей проходят по душе счастливые воспоминания, и все вам кажется, что взор ваш уходит дальше и дальше и тянет вас самих за собой в ту спокойную, сияющую бездну, и невозможно оторваться от этой вышины, от этой глубины...»

«...из наших разговоров я вынес одно убеждение, которого, вероятно, никак не ожидают читатели, — убеждение, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай, а откуда оно идет, — ему всё равно».

«Странные дела случаются на свете: с иным человеком и долго живешь вместе, и в дружественных отношениях находишься, а ни разу не заговоришь с ним откровенно, от души; с другим же едва познакомиться успеешь — глядь, либо ты ему, либо он тебе, словно на исповеди, всю подноготную и проболтал».

«Пьет он тоже хорошо... да на Руси этим отличиться мудрено...»

«В её грустном взоре было столько нежной преданности, благоговейной покорности и любви. Она и боялась-то его, и не смела плакать, и прощалась с ним, и любовалась им в последний раз; а он лежал, развалиясь, как султан, и с великодушным терпением и снисходительностью сносил ее обожанье».

«Известно, что собаки имеют способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться».

«...жутко умирать в двадцать пять лет, никого не любивши».

«Рудин» 1855

«Рудин» — первый в ряду блистательных романов Ивана Сергеевича Тургенева, первоначально задуманный великим прозаиком под названием «Гениальная натура». Работая над этим произведением, Тургенев опирался не только на опыт своих русских предшественников, но следовал и традициям европейского романа. Психологическая завязка любовного конфликта в «Рудине» напрямую перекликается с широко известными в то время романами Жорж Санд.

«Нет ничего тягостнее сознания только что сделанной глупости».

«Любовь! – продолжал он, – в ней всё тайна: как она приходит, как развивается, как исчезает. То является она вдруг, несомненная, радостная, как день; то долго тлеет, как огонь под золой, и пробивается пламенем в душе, когда уже все разрушено; то вползёт она в сердце, как змея, то вдруг выскользнет из него вон... Да, да; это вопрос важный. Да и кто любит в наше время? кто дерзает любить?»

«Поэзия — язык богов. Я сам люблю стихи. Но не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас... Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью; а где красота и жизнь, там и поэзия».

«...ничего не может быть хуже и обиднее слишком поздно пришедшего счастья. Удовольствия оно все-таки вам доставить не может, а зато лишает вас права, драгоценнейшего права — браниться и проклинать судьбу. Да, сударыня, горькая и обидная штука — позднее счастье».

«Никто так легко не увлекается, как бесстрастные люди».

«...есть три разряда эгоистов: эгоисты, которые сами живут и жить дают другим; эгоисты, которые сами живут и не дают жить другим; наконец, эгоисты, которые и сами не живут и другим не дают... Женщины большею частию принадлежат к третьему разряду».

«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится! Космополитизм - чепуха, космополит - нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет».

«Ей так горько, и противно, и пошло казалось жить, так стыдно ей стало самой себя, своей любви, своей печали, что в это мгновение она бы, вероятно, согласилась умереть... Много ещё предстояло ей тяжёлых дней, ночей бессонных, томительных волнений; но она была молода – жизнь только начиналась для нее, а жизнь рано или поздно своё возьмет. Какой бы удар ни поразил человека, он в тот же день, много на другой – извините за грубость выражения – поест, и вот вам уже первое утешение...»

«Ты говоришь, смерть примиряет, а жизнь, ты думаешь, не примиряет? Кто пожил, да не сделался снисходительным к другим, тот сам не заслуживает снисхождения».

«Дворянское гнездо» 1858

«Дворянское гнездо» - это история несостоявшейся любви героя, сильного духом, много пережившего, Написанный с большой глубиной мысли и мастерством, роман «Дворянское гнездо» сразу завоевал громадный успех. Читателям запомнились и полюбились главные его герои. Лаврецкий - один из самых симпатичных представителей дворянской среды, и Лиза Калитина. Наряду с пушкинской Татьяной Лиза принадлежит к числу самых обаятельных фигур русской литературы.

«Горе сердцу, не любившему смолоду!»

«Чужая душа, ты знаешь, темный лес, а девичья и подавно».

«Русский человек боится и привязывается легко; но уважение его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому».

«Горемыка издали тотчас чует другого горемыку, но под старость редко сходится с ним, и это нисколько не удивительно: ему с ним нечем делиться, — даже надеждами».

«Любовь на всякий возраст имеет свои страдания».

«Россия, — говорил он, — отстала от Европы; нужно подогнать её. Уверяют, что мы молоды, — это вздор; да и притом у нас изобретательности нет; сам Х<омяко>в признается в том, что мы даже мышеловки не выдумали. Следовательно, мы поневоле должны заимствовать у других. Мы больны, говорит Лермонтов, — я согласен с ним; но мы больны оттого, что только наполовину сделались европейцами; чем мы ушиблись, тем мы и лечиться должны...Лаврецкий поднялся и начал возражать Паншину; завязался спор. Лаврецкий... спокойно разбил Паншина на всех пунктах. Он доказал ему невозможность скачков и надменных переделок с высоты чиновничьего самосознания — переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал, хотя бы отрицательный; привел в пример свое собственное воспитание, требовал прежде всего признания народной правды и смирения перед нею — того смирения, без которого и смелость противу лжи невозможна; не отклонился, наконец, от заслуженного, по его мнению, упрека в легкомысленной растрате времени и сил.
— Все это прекрасно! — воскликнул, наконец, раздосадованный Паншин, — вот вы, вернулись в Россию, — что же вы намерены делать?
— Пахать землю, — отвечал Лаврецкий, — и стараться как можно лучше её пахать».

«Близкого человека только тогда и поймешь вполне, когда с ним расстанешься».

«В течение этих восьми лет совершился, наконец, перелом в его жизни, тот перелом, которого многие не испытывают, но без которого нельзя остаться порядочным человеком до конца; он действительно перестал думать о собственном счастье, о своекорыстных целях. Он утих и - к чему таить правду? - постарел не одним лицом и телом, постарел душою; сохранить до старости сердце молодым, как говорят иные, и трудно и почти смешно; тот уже может быть доволен, кто не утратил веры в добро, постоянства воли, охоты к деятельности».

«Тяжело раненные на войне всегда называют "вздором" свои раны. Не обманывать себя человеку - не жить ему на земле».

«Играйте, веселитесь, растите, молодые силы, жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть — и сколько из нас не уцелело! — а вам надобно дело делать, работать, и благословение нашего брата, старика, будет с вами. А мне, после сегодняшнего дня, после этих ощущений, остается отдать вам последний поклон — и, хотя с печалью, но без зависти, безо всяких темных чувств, сказать, в виду конца, в виду ожидающего Бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»

«Есть такие мгновения в жизни, такие чувства. На них можно только указать - и пройти мимо».

«Ася»

1858

Повесть «Ася» представляет собой тонкий, поэтический рассказ о несложившейся любви двух молодых людей.

«Деньги у меня не переводились, заботы ещё не успели завестись».

«Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день, а мгновенье».

«Если б мы с вами были птицы, — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как так?

— Поживите — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья».

«Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выраженью их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновенье — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением».

«Мне тогда в голову не приходило что человек не растение что процветать ему долго нельзя».

«Первая любовь»

1860

«Первая любовь» — повесть Ивана Сергеевича Тургенева, рассказывающая о чувствах и связанных с ними душевных переживаниях юного героя, полудетская влюблённость которого пришла в неразрешимое столкновение с драматизмом и жертвенностью взрослой любви.

«Сам бери, что можешь, а в руки не давайся; самому себе принадлежать – в этом вся штука жизни».

«— Свобода, — повторил он, — а знаешь ли ты, что может человеку дать свободу? ... — Воля, собственная воля, и власть она даст, которая лучше свободы. Умей хотеть — и будешь свободным, и командовать будешь».

«О молодость! молодость! тебе нет ни до чего дела, ты как будто бы обладаешь всеми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тешит, даже печаль тебе клицу, ты самоуверенна и дерзка, ты говоришь: я одна живу — смотрите! а у самой дни бегут и исчезают без следа и без счёта, и все в тебе исчезает, как воск на солнце, как снег... И, может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности всё сделать — а в возможности думать, что ты всё сделаешь, — состоит именно в том, что ты пускаешь по ветру силы, которые ни на что другое употребить бы не умела, — в том, что каждый из нас не шутя считает себя расточителем, не шутя полагает, что он вправе сказать: «О, что бы я сделал, если б я не потерял времени даром!»»

«Главное дело: жить нормально и не поддаваться увлечениям. А то что пользы? Куда бы волна ни понесла — все худо; человек хоть на камне стой, да на своих ногах».

«Сын мой, — писал он мне, — бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...»

«Я не в состоянии передать чувство, с которым я удалился. Я бы не желал, чтобы оно когда-нибудь повторилось; но я почел бы себя несчастливym, если бы я никогда его не испытал».

«Я сказал, что с того дня началась моя страсть; я бы мог прибавить, что и страдания мои начались с того же самого дня».

«Всё было кончено. Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные».

«Накануне»

1860

«Накануне» — роман Ивана Сергеевича Тургенева, опубликованный в 1860 году. Во второй половине 1850-х годов Тургенев, по взглядам либерал-демократ, отвергавший идеи революционно настроенных разночинцев, стал задумываться о возможности создания героя, чьи позиции не вступали бы в противоречие с его собственными, более умеренными, чаяниями, но который при этом был бы достаточно революционным...

«Чтобы сблизиться с человеком — нужно хоть однажды побеседовать с ним с глазу на глаз».

«Я и не подозревала, что у меня печальный вид. Я думаю, это оттого происходит, что я одна, всё одна, со всем моим добром, со всем моим злом. Некому протянуть руку. Кто подходит ко мне, того не надобно; а кого бы хотела... тот идёт мимо».

«Случается, что человек, просыпаясь, с невольным испугом спрашивает себя: неужели мне уже тридцать... сорок... пятьдесят лет? Как это жизнь так скоро прошла? Как это смерть так близко надвинулась? Смерть как рыбак, который поймал рыбу в свою сеть и оставляет её на время в воде: рыба ещё плавает, но сеть на ней, и рыбак выхватит её — когда захочет».

«—Вы очень любите свою родину? — произнесла она робко. — Это ещё не известно, — отвечал он. — Вот когда кто-нибудь из нас умрёт за неё, тогда можно будет сказать, что он её любил».

«Я хотел только объяснить, почему природа, по-твоему, так на нас действует. Потому, что она будит в нас потребность любви и не в силах удовлетворить ее. Она нас тихо гонит в другие, живые объятия, а мы ее не понимаем и чего-то ждём от нее самой».

«Её душа и разгоралась и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, а клетки не было: никто не стеснял её, никто её не удерживал, а она рвалась и томилась».

«Елена не знала, что счастье каждого человека основано на несчастье другого, что даже его выгода и удобство требуют, как статуя — пьедестала, невыгоды и неудобства других».

«Понимаешь ты силу этих слов: она ждёт!»

«Звёзды только и делают, что смотрят на влюблённых людей, — оттого они так прелестны».

«Нет ещё у нас никого, нет людей, куда ни посмотри. Все — либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоеды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, из пустого в порожнее переливатели да палки барабанные! А то вот ещё какие бывают: до позорной тонкости самих себя изучили, щупают беспрестанно пульс каждому своему ощущению и докладывают самим себе: вот что я, мол, чувствую, вот что я думаю. Полезное, дельное занятие! Нет, кабы были между нами путные люди, не ушла бы от нас эта девушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, как рыба в воду!»

«... душа не яблоко: её не разделишь».

«Отцы и дети»

1862

Роман стал знаковым для своего времени, а образ главного героя Евгения Базарова был воспринят молодёжью как пример для подражания. Такие идеалы, как бескомпромиссность, отсутствие преклонения перед авторитетами и старыми истинами, приоритет полезного над прекрасным, были восприняты людьми того времени и нашли отражение в мировоззрении Базарова.

«Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник».

«Настоящий человек тот, о котором думать нечего, а которого надобно слушаться или ненавидеть».

«Нравственные болезни происходят от дурного воспитания, от всяких пустяков, которыми сызмала набивают людские головы, от безобразного состояния общества, одним словом. Исправьте общество, и болезней не будет».

«Видишь, что я делаю; в чемодане оказалось пустое место, и я кладу туда сено; так и в жизненном нашем чемодане; чем бы его ни набили, лишь бы пустоты не было».

«...потом мы догадались, что болтать, всё только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведёт только к пошлости и доктринерству; мы увидели, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чём, когда дело идёт о насущном хлебе, когда грубейшее суеверие нас душит, когда все наши акционерные общества лопаются единственно оттого, что оказывается недостаток в честных людях, когда самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдёт нам впрок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только выпить дурману в кабаке».

«Любовь - белиберда, непростительная дурь».

«И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество».

«Не без тебя, ни с тобой жить не могу».

«Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта».

«Каждый человек на ниточке висит, бездна ежеминутно под ним развернуться может, а он ещё сам придумывает себе всякие неприятности, портит свою жизнь».

«Какую клевету не взведи на человека, он, в сущности, заслуживает в двадцать раз хуже того».

«— Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, — говорил между тем Базаров, — подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны».

«Как все женщины, которым не удалось полюбить, она хотела чего-то, сама не зная, чего именно. Собственно, ей ничего не хотелось, хотя ей казалось, что хотелось всего».

«Всякий человек сам себя воспитать должен».

«Дым»

1867

«Дым» Тургенева - это одно из наиболее крупных произведений не только в творчестве самого писателя, но и в активе русской литературы вообще. Роман интересен не только с художественной, но и с общественно-политической точки зрения, так как в нём нашли своё отражение наиболее острые проблемы и вопросы, которые волновали российское общество периода реформ 1860-х годов.

«Сойдётся, например, десять англичан, они тотчас заговорят о подводном телеграфе, о налоге на бумагу, о способе выделывать, крысьи шкуры, то есть о чем-нибудь положительном, определённом; сойдётся десять немцев, ну, тут, разумеется, Шлезвиг-Гольштейн и единство Германии явятся на сцену; десять французов сойдётся, беседа неизбежно коснется "клубнички", как они там ни виляй; а сойдётся десять русских, мгновенно возникает вопрос, - вы имели случай сегодня в том убедиться, - вопрос о значении, о будущности России, да в таких общих чертах, от яиц Леды, бездоказательно, безвыходно. Жуют, жуют они этот несчастный вопрос, словно дети кусок гуммиластика: ни соку, ни толку. Ну, и конечно, тут же, кстати, достанется и гнилому Западу. Экая притча, подумаешь! Бьет он нас на всех пунктах, этот Запад, - а гнил! И хоть бы мы действительно его презирали, а то ведь это всё фраза и ложь. Ругать-то мы его ругаем, а только его мнением и дорожим, то есть, в сущности, мнением парижских лоботрясов».

«Правительство освободило нас от крепостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишком глубоко в нас внедрились; не скоро мы от них отделаемся. Нам во всём и всюду нужен барин; барином этим бывает большею частью живой субъект, иногда какое-нибудь так называемое направление над нами власть возымеет... теперь, например, мы все к естественным наукам в кабалу записались... Почему, в силу каких резонансов мы записываемся в кабалу, это дело тёмное; такая уж, видно, наша натура. Но главное дело, чтоб был у нас барин. Ну, вот он и есть у нас; это, значит, наш, а на всё остальное мы наплевать! Чисто холопы! И гордость холопская, и холопское уничижение. Новый барин народился — старого долой!»

«Удивляюсь я, милостивый государь, своим соотечественникам. Все унывают, все повесивши нос ходят, и в то же время все исполнены надеждой и чуть что, так на стену и лезут. Вот хоть бы славянофилы, к которым господин Губарев себя причисляет: прекраснейшие люди, а та же смесь отчаяния и задора, тоже живут буквой "буки". Все, мол, будет, будет. В наличности ничего нет, и Русь в целые десять веков ничего своего не выработала, ни в управлении, ни в суде, ни в науке, ни в искусстве, ни даже в ремесле... Но стойте, потерпите: все будет. А почему будет, позвольте полюбопытствовать?»

«Дым, дым, — повторил он несколько раз; и всё вдруг показалось ему дымом, всё, собственная жизнь, русская жизнь — всё людское, особенно всё русское. Всё дым и пар, думал он; всё как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности всё то же да то же; всё торопится, спешит куда-то — и всё исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул — и бросилось всё в противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и — ненужная игра».

«Людам положительным, вроде Литвинова, не следовало бы увлекаться страстью; она нарушает самый смысл их жизни... Но природа не справляется с логикой, с нашей человеческой логикой: у ней есть своя, которую мы не понимаем и не признаём до тех пор, пока она нас, как колесом, не переедет».

«Не поощряйте, ради бога, у нас на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться без учения! Нет; будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись, учись с азбуки! Не то молчи да сиди, поджавши хвост!»

«Да ведь известное дело: от худого к хорошему никогда не идешь через лучшее, а всегда через худшее».

«Сперва не будешь понимать, как можно любить; а потом не будешь понимать, как жить можно».

«Степной король Лир»

1870

В компании помещиков ведётся неспешный разговор о шекспировских типах. Один из собеседников вспоминает, что в юности знал одного "короля Лира". Человек прямой и неглупый, этот среднерусский Лир "очень на себя надеялся, решительно ничего не боялся, ни в ком не заискивал, денег не просил". Закончил он, однако, так же трагически, как и его шекспировский предшественник.

«- А я, господа, - воскликнул наш хозяин, человек уже пожилой, - знал одного короля Лира!»

«Голосок у Анны Мартыновны был очень приятный, звонкий и словно жалобный... вроде того, какой бывает у хищных птиц».

«Убили вы во мне веру-то! Всё убили! Был я орлом – и червяком для вас сделался... а вы – и червяка давить? Полно! Я тебя любил, сама знаешь, – а только теперь ты мне не дочь и я тебе не отец».

«В трепете да в покорности век свой прожили — и вдруг... господа!»

«Я узнал её немедленно, я ни единого мгновения не колебался, да и нельзя было колебаться; таких глаз, как у ней - и особенно такого склада губ, надменного и чувственного, - я ни у кого не видывал. Лицо ее стало длиннее и суше, кожа потемнела, кой-где виднелись морщины; но особенно изменилось выражение этого лица! Трудно передать словами, до чего оно стало самоуверенно, строго, горделиво! Не простым спокойствием власти пресыщением власти дышала каждая черта; в небрежном взоре, который она на меня уронила, сказывалась давнишняя, застарелая привычка встречать одну благоговейную, безответную покорность. Эта женщина, очевидно, жила, окруженная не поклонниками - а рабами; она, очевидно, даже забыла то время, когда какое-либо ее повеление или желание не было тотчас исполнено!»

«Вешние воды»

1872

«Вешние воды» — повесть *Ивана Сергеевича Тургенева*, рассказывающая историю любви русского помещика за границей. В конце 1860-х годов и первой половине 1870-х

Тургенев написал ряд повестей, относившихся к категории воспоминаний о далеком прошлом. Из них повесть «Вешние воды», герой которой представляет собой еще одно интересное добавление к тургеневской галерее безвольных людей, стала наиболее значимым произведением этого периода.

«- Оставайтесь! Вы мне нисколько не мешаете, - воскликнул немедленно Санин, который, как всякий истый русский, рад был ухватиться за первый попавшийся предлог, лишь бы не быть самому поставлену в необходимость что-нибудь делать».

«Санин вернулся домой – и, не зажигая свечи, бросился на диван, занёс руки за голову и предался тем ощущениям только что сознанный любви, которые и описывать нечего: кто их испытал, тот знает их томление и сладость; кто их не испытал – тому их не растолкуешь».

«Санин шёл то рядом с Джеммой, то несколько позади ее, не спускал с нее глаз и не переставал улыбаться... То, что они сделали вдвоём, несколько мгновений тому назад – это отдание своей души другой душе, – было так сильно, и ново, и жутко; так внезапно всё в их жизни переставилось и переменилось, что они оба не могли опомниться и только сознавали подхвативший их вихорь, подобный тому ночному вихрю, который чуть-чуть не бросил их в объятия друг другу. Санин и она – полюбили в первый раз; все чудеса первой любви совершались над ними. Первая любовь – та же революция: однообразно-правильный строй сложившейся жизни разбит и разрушен в одно мгновенье, молодость стоит на баррикаде, высоко вьется её яркое знамя, и что бы там впереди её ни ждало – смерть или новая жизнь, – всему она шлёт свой восторженный привет».

«Недаром говорят, что у каждого влюблённого есть звезда».

«– Вот, – начала она с глубоким, блаженным вздохом, – вот для этого только и стоит жить. Удалось тебе сделать, чего тебе хотелось, что казалось невозможным, – ну и пользуйся, душа, по самый край!»

«Слабые люди никогда сами не кончают — всё ждут конца».

«Долго, долго сидел он в раздумье и — уже наученный опытом, через столько лет — всё не в силах был понять, как мог он покинуть Джемму, столь нежно и страстно им любимую, для женщины, которую он и не любил вовсе?»

«Как подумаешь: нет ничего на свете сильнее... и бессильнее слова!»

«НОВЬ»

1876

«Новь» — последний и самый крупный роман Ивана Сергеевича Тургенева, написанный в 1871—1876 годах, впервые опубликованный в 1877 году в двух первых номерах журнала «Вестник Европы». В центре романа - зарождающееся в России движение революционеров-народников. Дворянин Сипягин является по объявлению на квартиру к студенту Нежданову и предлагает тому поработать летом учителем его сына Коли. Нежданов отправляется вместе с Сипягиным в его имение, где встречает молодую девушку Марианну. Увлечшись революционными идеями Нежданова, Марианна влюбляется в него. Молодые люди совершают побег из дома Сипягина, не подозревая, какие испытания их ждут...

«Да разве ты забыл, в какое время и в какой стране мы живём? Ведь у нас утопающий сам должен сочинить ту соломинку, за которую ему приходится ухватиться!»

«Законы искусства труднее уловить, чем законы науки... согласен; но они существуют — и кто их не видит, тот слепец; добровольный или недобровольный — всё равно».

«Только я заметил: если где слишком много толкуют о добродетели - это всё равно, как если в комнате у больного слишком накурено благовониями: наверно, пред этим совершилась какая-нибудь тайная пакость!»

«Ох, трудно, трудно эстетику соприкоснуться с действительной жизнью!»

«Марианна, конечно, в этом даже себе самой не смела сознаться; но ведь только то и сильно в нас, что остается для нас самих полуподозренной тайной».

«... Во мне сидят два человека — и один не даёт жить другому».

«..он уже не говорил ему иначе как «ты», и в этом неожиданном ты, обращённом к человеку, в котором он открыл счастливого соперника, которого он только что оскорбил кровно, которого он готов был убить, разорвать на части, — в этом «ты» было и бесповоротное отречение, и моление смиренное, горькое, и какое-то право...»

«Теперь не время сердиться на дураков за то, что они говорят глупые слова; теперь время мешать им глупые дела делать».

Несколько цитат из писем И. С. Тургенева.

Мудрые.

«Предполагать, что другие люди злы — это значит признаваться, что сам не чувствуешь себя добрым».

Пояснение к цитате:

Из письма Полине Тургеневой 11(23) октября 1858. Спасское

«... Люди без твердости в характере любят сочинять себе «судьбу»; это избавляет их от необходимости иметь собственную волю — и от ответственности перед самими собою».

Пояснение к цитате:

Из письма Е. Е. Ламберт 10 (22) июня 1856. Спасское

Горькие.

«... Будь уверена, что если только очень немногие люди любят нас (и любимы нами) по-настоящему, — то большинство готово питать расположение ко всякому, кто никого не обижает и не огорчает».

Пояснение к цитате:

Из письма Полине Тургеневой 11(23) октября 1858. Спасское

«Всякая молитва сводится на следующее: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два — не было четыре».

Пояснение к цитате:

Июнь 1881 г.

Грустные.

«В жизни мужчины наступает — как и в жизни женщины — пора, когда более всего дорожишь отношениями тихими и прочными».

Пояснение к цитате:

Из письма Е. Е. Ламберт 10 (22) июня 1856. Спасское

«Я бы отдал весь свой гений и все свои книги за то, чтобы где-нибудь была женщина, которую беспокоила бы мысль, опоздаю я или нет к обеду».

Пояснение к цитате:

Из записных книжек И. С. Тургенева.

И, напоследок, самая известная цитата.

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Пояснение к цитате:

Стихотворение в прозе «Русский язык»

Июнь, 1882.